

По пути в собственную усадьбу Цзи Ло непрерывно размышлял о том, что за отношения связывают Бай Эня и его отца. Почему Бай Цзюнь в некоторых мелочах неосознанно робеет перед собственным сыном?

И что заставило благородную, утонченную красавицу сознательно погубить честное имя, лишь бы войти в дом Бай Цзюня бесправной наложницей? Почему она, едва миновав пору юности, затворилась от мира и долгие годы, до самой зрелости, не показывалась людям на глаза?

Зачем она вообще притаилась в том углу? Неужели не побоялась, что кто-то заметит ее странное поведение? Или же ее пригнала туда какая-то непреодолимая сила, заставив забыть об осторожности?

Самым странным было то, что при этих размышлениях перед мысленным взором Цзи Ло то и дело возникало лицо Хан Сизня — непредсказуемое и пугающе деятельное. В душу закралась совершенно дикая, на первый взгляд, догадка: госпожа Ван покинула свое убежище лишь потому, что до смерти испугалась Наследника. Вдруг этот сумасброд решит разгромить усадьбу Баев так же, как уже поступил с домами многих чиновников? Вот она и наплевала на свою мнимую немощь, явившись лично разузнать, что происходит в гостиной.

Не разыграй Хан Сизнь ту нелепую сцену с извинениями и поспешным уходом, они бы ни за что не столкнулись с госпожой Ван. Каким бы безумным ни казалось это предположение, в глубине души Цзи Ло понимал, что нащупал верный след.

В конце концов, дурная слава Хан Сизня, прослывшего беспощадным разорителем вельможных гнезд, давно гремела по всей столице, заставляя трепетать каждого чиновника.

Мысли о странностях семейства Бай вихрем кружились в голове Цзи Ло. И пускай пока они не складывались в единую картину, в груди у него разгорался азарт.

Теперь он окончательно убедился, что происхождение Бай Эня скрывает какую-то тайну. Это давало ему четкую нить для расследования. Чтобы докопаться до истины, следовало начать с его матери, госпожи Ван.

Раскрой он подлинную личность этой женщины — и все нити сойдутся в один узел. Трудность заключалась в том, что все столичные слухи о госпоже Ван сводились лишь к старым сплетням о безумной страсти Бай Цзюня, ради которой он пренебрег законной супругой. О том же, откуда эта женщина родом и кем была прежде, никто никогда не упоминал.

Впрочем, Цзи Ло это не пугало. Если его догадка верна и в жилах Бай Эня течет императорская кровь, то госпожа Ван вполне могла оказаться выходцем из дворца.

Очевидно, кто-то влиятельный помог ей вывезти новорожденного принца из дворца и доверил его воспитание. А Бай Цзюнь, зная, кто растет в его доме, волей-неволей робел перед мальчиком.

Только такое объяснение выглядело разумным. Бай Цзюнь трепетал перед собственным отпрыском лишь потому, что слишком хорошо осознавал его истинное положение.

А проверить столь опасное дело в императорских покоях под силу разве что вдовствующей императрице.

От этих мыслей на душе у Цзи Ло потеплело: казалось, он подобрался к истине вплотную. Однако стоило ему вернуться в собственное поместье и заново взвесить все умозаключения, как реальность ушатым ледяной воды смыла его восторг.

Он ведь уже проверял старые дворцовые записи о рождении принцев и принцесс. Число детей его августейшего отца было задокументировано с предельной точностью, и места для тайного бастарда там попросту не оставалось.

Если допустить, что Бай Энъ — действительно принц, то подходить по возрасту мог только один человек. Сам Цзи Ло. Неужели их подменили в колыбели? Но тогда получалось, что он сам не имеет отношения к правящей династии! И именно поэтому августейший отец всю жизнь относился к нему с ледяным равнодушием, словно не замечая его существования?

Впрочем, Цзи Ло тут же умерил разыгравшуюся фантазию. Пускай отец питал к нему неприязнь, в прошлой жизни, когда Цзи Ло сосредоточил в своих руках огромную власть и делом доказал свои способности, император хоть и не изменил отношения, но все же молчаливо позволил ему править государством и унаследовать трон. Будь он безродным подкидышем, этого бы не случилось.

К тому же, если взглянуть на лица, Цзи Ло походил на императора куда сильнее, чем Бай Энъ. Так что о подмене не могло быть и речи.

Затем мысли Цзи Ло обратились ко второму принцу, его брату Цзи Жуну, которого всегда тайно поддерживала вдовствующая императрица. Именно Цзи Жун в прошлой жизни дошел до самого финала. Он рос болезненным, страдал от чахотки, рано лишился матери, но с малых лет воспитывался под крылом благородной супруги Ши.

Эта супруга, ко всему прочему, была бездетна и приходилась родной племянницей вдовствующей императрице.

Получалось, вдовствующая императрица с самого начала метила Цзи Жуна в преемники? И что важнее всего — впоследствии именно Бай Энъ стал главной опорой второго принца, заняв при дворе исключительное положение.

Цзи Ло смутно почувствовал, что нащупал верную нить, но она была слишком тонкой, и ухватить суть интриги пока не удавалось.

К счастью, благодаря дару перерождения он владел знанием, недоступным остальным. Он помнил финал. Взглянуть на эту запутанную драму с высоты прожитых лет было куда проще — пускай прошлое пока казалось глухим клубком, главного кукловода он уже знал в лицо, а это сулило неоспоримое преимущество.

Цзи Ло понимал, что ему нужно набраться терпения и распутывать этот клубок нить за нитью, пока вся правда не выйдет наружу.

Всего в квартале от усадьбы семейства Бай в экипаж Хан Сиэня беззвучно поднялся Бай Шу.

Хан Сиэнь не стал возражать против присутствия незваного гостя. Он прекрасно понимал, какие мысли сейчас роятся в голове Цзи Ло насчет тайн усадьбы Бай. Сказать по правде, Наследник и сам не ожидал встретить сегодня госпожу Ван.

Ту самую особу, чье имя до сих пор было излюбленной темой для досужих столичных сплетен.

Похоже, его собственная свирепая репутация сыграла решающую роль: стоило ему лишь явиться к Баям, как госпожа Ван окончательно растерялась.

Давняя тайна, связывавшая вдовствующую императрицу и покойного императорского благородного супруга Ван Ина, уходила корнями слишком глубоко в прошлое. Прямых улик почти не осталось, да и самому Хан Сиэню не следовало лезть на рожон.

Но стоило Цзи Ло продвинуться в своих поисках чуть дальше, как Хан Сиэнь мог бы под удобным предлогом забрать расследование себе. А пока следовало притворно собирать доказательства, чтобы в нужный момент связать воедино все разрозненные ниточки.

При этой мысли на губах Хан Сиэня заиграла слабая улыбка. Смешок вышел холодным, чисто рассудочным и не коснулся глаз, отчего казался довольно зловещим, но Бай Шу показалось, что в этот миг застывшее лицо юноши на мгновение ожило.

Бай Шу поджал губы и искренне поблагодарил своего спутника. Слухи о том, что произошло в гостиной Баев, уже долетели до него, и на душе у воина стало легко.

Хан Сиэнь даже не взглянул на него, лишь молча качнул головой.

Бай Шу тоже не стал докучать расспросами.

Не доезжая до ворот поместья герцога Хань, Бай Шу бесшумно спрыгнул с подножки экипажа. Обернувшись с легкой улыбкой, он скрылся в переулке. Мужчина прекрасно понимал, что Хан Чжо сейчас меньше всего желает видеть его лицо. Пускай самому Хан Сиэню было плевать на условности, Бай Шу предпочитал соблюдать видимые приличия.

Впрочем, про себя он знал, что все равно скоро навестит Хан Сиэня. В герцогское поместье он сроду не входил через парадные ворота — к чему докучать слугам докладами, когда гораздо проще перемахнуть через стену?

После ухода гостя Хан Сиэнь неторопливо вернулся в Дворик Душистых Орхидей.

Слуги во дворике тихо занимались своими делами, вокруг царил сонный покой. Проходя мимо Би Хуа, Хан Сиэнь едва заметно замедлил шаг и окинул девушку мимолетным, безучастным взглядом.

Би Хуа мгновенно побледнела и без сил опустилась на колени.

К счастью, Наследник лишь скользнул по ней взором и прошел мимо, не проронив ни слова. Стоило его силуэту скрыться за дверями, Ло Ся поспешила помочь подруге подняться и взволнованно зашептала:

— Сестрица Би Хуа, что с тобой? Ты в последнее время сама не своя. Неужели Наследник разгневался из-за какой-то оплошности?

Сердце Би Хуа испуганно трепетало. Судорожно прижав руку к груди, она выдавила:

— Возможно...

Тот ледяной, пустой взгляд Хан Сиэня едва не лишил ее чувств от первобытного страха.

Стоявшая поодаль Чэнь Сян покосилась на испуганную служанку и едва заметно нахмурилась, но тут же с самым невозмутимым видом вернулась к своей работе.

Хан Сиэнь собирался немного отдохнуть, чтобы восстановить силы, однако не прошло и двух часов, как из дворца прибыл посланник с повелением императора немедленно явиться к нему.

Когда Хан Сиэнь переступил порог императорского кабинета, там уже находились Бай Цзюнь, генерал Бай Вэньхань и принц Цзи Ло. Последний из-за раны на ноге не стоял на коленях, а полулежал на мягкой кушетке.

Император перевел насмешливый взгляд с Хан Сиэня на Цзи Ло и с легкой усмешкой произнес:

— Господин Бай тут жалуется, что вы двое сегодня изволили явиться в его усадьбу требовать справедливости для генерала Бая?

— Третий принц, возможно, и ходил ради справедливости, но ваш покорный слуга преследовал иные цели, — невозмутимо отозвался Хан Сиэнь.

При этих словах лицо Бай Цзюня позеленело от злости. Он вперил гневный взор в юношу и уже открыл было рот для гневной тирады, но император лишь коротко хмыкнул:

— И зачем же ты тогда туда явился?

— Ради расследования, — прямо глядя на государя, ответил Хан Сиэнь. — В конце концов, в день нашего с третьим принцем покушения генерал Бай возник на месте событий слишком уж вовремя. Пусть у него и были веские причины, но все, что касается заговорщиков, требует тщательной проверки. Потому я лишь воспользовался предлогом, чтобы разведать обстановку. Кто же знал, что господин Бай примет все за чистую монету и поспешит к Вашему Величеству с жалобами?

Бай Цзюнь ошарашенно уставился на Хан Сиэня, не в силах поверить, что благородный господин может лгать столь беспардонно. А стоявший рядом генерал Бай Вэньхань покосился на Наследника с такой сложной гаммой чувств, словно его только что заставили проглотить кусок тухлятины.

Глядя на мученическое выражение лица генерала Бая, император подумал: верни время назад, тот бы трижды подумал, прежде чем бросаться на выручку Хан Сиэню.

В конце концов Бай Вэньхань сердито отвел взор и угрюмо уставился в пол, сжав зубы.

Император покачал головой. Прекрасно понимая, что Хан Сиэнь нагло выкручивается, он все же кашлянул и спросил:

— И каковы успехи твоего расследования? Что-нибудь выяснил?

— Ничего, — без тени смущения сознался Хан Сиэнь. — Разве что излишне разбередил чувства господина Бая своими неосторожными речами, отчего тот и впал в заблуждение.

— Вот как... — протянул император и перевел взгляд на кушетку. — А ты, сын мой? Тоже преследовал государственные интересы?

Лицо Цзи Ло то бледнело, то краснело. Настолько виртуозно лгать государю он все же не умел, потому лишь сухо выдавил:

— Сын ваш... нет. Я лишь желал выразить признательность генералу Баю за спасение своей жизни, но действовал излишне порывисто.

Наблюдая за ними, император почувствовал тайное удовлетворение от этой нелепой сцены, но все же строго выговорил:

— Хан Сиэнь! Я поручил тебе дело о заговоре не для того, чтобы ты тратил время на чужие

семейные дразги. Не путай важное с пустым.

Хан Сиэнь послушно склонил голову в знак согласия.

Затем настала очередь главного виновника:

— А ты, Цзи Ло, носишь высокий титул принца! Гоже ли тебе совать нос во внутренние дела чужих семейств?

Цзи Ло густо покраснел до кончиков ушей:

— Сын ваш признает свою ошибку.

Взглянув на несчастного генерала Бая, государь решил пощадить его чувства и перевел взор на Бай Цзюня. В глазах императора тот всегда оставался человеком бесхитростным — вот и сейчас на его лице отчетливо читалось изумление перед чужой наглостью.

Государь вздохнул:

— Любезный министр Бай. Пускай все это касается лишь твоей усадьбы, но негоже выносить сор из избы на потеху всей столице. К тому же генерал Бай преданно служит престолу. Каковы бы ни были твои домашние обиды, ради моего личного расположения прояви великодушие и убавь строгость.

Бай Цзюнь в великом смятении поспешил заверить государя в своей покорности.

Раздав всем по заслугам, император небрежным жестом велел им удалиться. Едва они вышли за дворцовые ворота, как генерал Бай Вэньхань одарил Хан Сиэня испепеляющим взглядом, вскочил на коня и умчался прочь, вздымая дорожную пыль.

В самом же кабинете, едва за гостями закрылись двери, повелитель Поднебесной сделал несколько шагов из стороны в сторону, а затем от души расхохотался. Он смеялся так весело, что его глаза совершенно скрылись в складках век, а округлый живот затрясся от уморя.

После этой аудиенции Хан Сиэнь целых пять дней вел себя тихо. Однако на рассвете шестого дня, лично забрав из застенков Министерства юстиции одного из пленных заговорщиков в черном, он без лишних объяснений приказал гвардейцам арестовать сына великой принцессы — Фан Цзо.

Узнав о случившемся, император лишь покачал головой, рассудив, что великой принцессе не повезло в этой жизни, раз ее непутевый сын все-таки угодил в когти к Хан Сиэню.

<http://bllate.org/book/20088/2002044>